

Категории стихийного и планомерного в осмыслении истории человечества

В.С. Кржевов

Московский государственный университет

имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация

В статье рассмотрены некоторые значимые аспекты изучения проблемы стихийного и планомерного в историческом движении человечества. Автор обращает внимание на принципиальную важность четкого определения гносеологических предпосылок исследования. В этой связи проанализированы главные версии гносеологического обоснования постановки вопроса о проектной роли сознания – концепции «радикального конструктивизма» и социально-исторической практики. Исследованы вопросы о роли идеологии в массовых движениях XX века, природе созданных на их основании идеократических обществ, значении структурной композиции общества как определяющего фактора его исторической эволюции. Аргументирован тезис о том, что при всем значении идеологических программ, направлявших усилия больших масс людей, ход истории в XX столетии не претерпел существенных изменений и, как в прежние эпохи, носил преимущественно стихийный характер. Вместе с тем, согласно авторской позиции, положение о стихийном характере движения истории не влечет отказа от признания конструктивной роли мышления. Разумная целенаправленность была, есть и будет важнейшей характеристикой человеческой деятельности. Одновременно автор отстаивает утверждение о том, что ход и результаты исторического движения определены объективной необходимостью. В заключительной части статьи рассмотрен вопрос о проблемах современного человечества, обусловленных широкомасштабным использованием информационной техники и технологий. Обоснован тезис о том, что в данных обстоятельствах колоссально возросла роль достоверного знания как неперемennого условия разработки рациональных стратегий устойчивого развития.

Ключевые слова: социальная философия, деятельность, мышление, объективная необходимость, достоверность, практика, общество, идеология, идеократия, рациональная стратегия.

Кржевов Владимир Сергеевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

krjevov@mail.ru

Для цитирования: *Кржевов В.С.* Адаптация к современности: национальные стратегии в условиях глобальных трендов // Философские науки. 2021. № 4. С. 46–66. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-4-46-66

Categories of Spontaneity and Planning in the Comprehension of the History of Mankind

V.S. Krzhevov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract

The article discusses some significant aspects of studying the problem of spontaneity and planning in the course of mankind's history. The author emphasizes the fundamental importance of a clear definition of the epistemological premises of the research. With this regard, the article analyzes the main versions of the epistemological substantiation of the projecting role of consciousness – the concepts of “radical constructivism” and socio-historical practice. The author examines the role of ideology in mass movements of the 20th century, the nature of ideocratic societies created on their basis, and issues of the structural composition of society as a determining factor in its historical evolution. It is argued that in view of all the ideologies that guided large masses of people, the course of history in the 20th century did not undergo significant changes and was, as in previous eras, chiefly spontaneous. At the same time, according to the author, the spontaneous nature of history does not reject the constructive role of thinking. Reasonable purpose has always been, is and will be the most important characteristic of human activity. At the same time, the author asserts that the course and results of historical development are determined by objective necessity. Finally, the article considers the current problems of mankind, caused by the large-scale use of information technologies. The article concludes that in such circumstances the role of reliable knowledge as an indispensable requisite for development of rational strategies for sustainable development has grown considerably.

Keywords: social philosophy, activity, thinking, objective necessity, reliability, practice, society, ideology, ideocracy, rational strategy.

Vladimir S. Krzhevov – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Philosophy and the Philosophy of History, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.
krzhevov@mail.ru

For citation: Krzhevov V.S. (2021) Categories of Spontaneity and Planning in the Comprehension of the History of Mankind. Russian Journal of Philosophical Sciences = *Filosofskie nauki*. Vol. 64. no. 4, pp. 46–66.
DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-4-46-66

В контексте осмысления проблемы конструктивной роли сознания очень важно четко представлять себе суть некоторых возникающих методологических проблем. В этой связи хотелось бы напомнить формулу Л.С. Выготского, говорившего, что правильно поставить вопрос – значит наполовину решить его. Соответственно, неверная постановка вопроса вынуждает «блуждать» в порочном круге тезисов и контртезисов, не приближая решения. Одной из классических или «вечных» проблем философского знания была и остается проблема проектной роли сознания, существующих для него объективных пределов, а внутри них – его возможностей и факторов, эти возможности всякий раз определяющих.

Гносеологические предпосылки осмысления истории

В плане методологии мы, конечно, не можем уйти от неоспоримой, казалось бы, гносеологической максимы: мир дан человеку в форме знания. Истории философии известно множество аналитических текстов, так или иначе эту истину варьирующих. Однако даже самый беглый их обзор позволяет увидеть, что, как это ни парадоксально, при всеобщем признании неоспоримости этого положения существуют две диаметрально противоположные его трактовки.

Первая, также имеющая множество вариаций, сводится к утверждению: мир есть то, что люди о нем знают, или, иначе, он таков, каким они его себе представляют. Соответственно, положение о какой-то объективной действительности, существующей вне человека и его знания, объявляется заведомо несостоятельным, поскольку то, что именуется действительностью, особенно действительностью «социальной», – это всегда и только некая совокупность «мыслеобразов», так или иначе между собой соот-

носимых. Характер этого соотнесения и представления о связях и зависимостях между различными элементами этой картины определяются на основе исторически сложившегося типа духовной культуры и предшествующего опыта познания. В последние несколько лет с той же целью довольно широко используется ссылка на различие «типов рациональности». В этой связи Э. Хобсбаум отмечает, что имеет место «...рост интеллектуальной моды на “постмодерн” в западных университетах, особенно на факультетах литературы и антропологии, которая предписывает считать все “факты” интеллектуальными конструкциями, претендующими на объективность. *Итак, нет ясного различия между фактами и фикцией* (курсив мой. – В. К.)» (цит. по: [Сокал, Брикмон 2002, 222]). Казалось бы, столь категоричное утверждение исчерпывает существо подобной методологии. Однако Э. фон Глазерсфельд и другие сторонники «радикального конструктивизма» идут еще дальше, возвещая о «новой гносеологии», отрицающей тезис о существовании объективной действительности, независимой от познающего субъекта, и тем самым замыкая познание в границах одного только разума. «Таким образом, – читаем у Глазерсфельда, – радикальность радикального конструктивизма состоит, прежде всего, в том, что он порывает с общепринятой традицией и предлагает теорию познания, в которой понятие знания больше не соотносится с “объективной” онтологической действительностью, а определяется единственным образом как устанавливаемый порядок и организация опытного мира, формируемого в процессе жизни (проживания)» [Глазерсфельд 2001, 59–60].

В сфере социально-исторического знания «исследовательские программы», сообразные с логикой такого подхода, ориентированы прежде всего на установление мотивов действующих индивидов, поскольку именно особенности мотивации считаются главной (а то и единственной) причиной наблюдаемого в истории человечества хода и исхода событий. Соответственно, существующие в умах носителей некоторой культуры «образы общества» и «картины истории» расцениваются как источник представлений о желаемых формах социальной организации и основание проектов преобразования общественного устройства. Фиксируемые в процессе «эмпирических наблюдений» изменения этих «образов и картин» (порой весьма радикальные) трактуются как проявления имманентно обусловленной активности мышления, результаты его самодвижения. Соответственно, вопросы об объективных

причинах таких изменений блокируются тезисом о заведомо методологической несостоятельности подобных попыток.

Как известно, принципиально иная методологическая установка вытекает из начальных положений социально-философской концепции К. Маркса. Среди них важнейшим является тезис о родовой сущности человека как социально-деятельного существа. Тем самым Маркс порывал с доминировавшей на протяжении веков традицией, не только полагавшей мышление главной отличительной чертой человека, но, по сути, сводившей человека к содержаниям его мысли. Согласно марксистской концепции, человек представляет собой пусть и совершенно особую, но все-таки форму органической жизни, как и все другие ее формы, подчиненную общим законам. И, поскольку неперенным условием поддержания любой жизни является постоянно идущий обмен веществ со средой обитания, посредством которого организмы получают необходимые вещества и энергию, вопрос о качественном своеобразии человека решается на путях выяснения особенностей присущего людям способа решения этой задачи. Утверждая, что человек, как и любое живое существо, осуществляет непосредственный метаболизм со средой, Маркс подчеркивал, что качественное своеобразие его способа существования состоит в том, что большую часть требуемых для поддержания жизни ресурсов человек получает опосредованно, своим трудом преобразуя «сырые материалы» природы в необходимые средства жизнеобеспечения.

Тем самым жизнедеятельность человека разумного мыслилась как прежде всего предметно-практическая производительная деятельность, а наиболее существенным человеческим свойством признавалась способность быть субъектом этой деятельности. С этих позиций находил более полное объяснение и сам феномен человеческого мышления. Если ранее в нем видели лишь особенную черту, обусловленную своеобразием психофизической организации *Homo sapiens*, то теперь мышление представало как важнейший атрибут деятельности человека. На первый план выходила выполняемая им функция – разработка особого рода сверхорганических информационных программ, направляющих предметно-практические и общественно организованные действия людей. С учетом этого социокультурная информация принципиально отличалась от информации сугубо органической, программирующей активность других видов жизни [Обуховский 2003].

Качественное своеобразие этого рода программ заключается в том, что наряду со структурами органической ткани носителями информации здесь служат звучащая членораздельная речь и предметы внешнего мира, выполняющие знаковую функцию. Посредством перманентно осуществляемого в человеческом мозге соотнесения этих элементов между собой и отнесения их совокупностей к идущим вне организма процессам формируются интегрированные знаковые системы, тем или иным образом эти процессы отображающие (моделирующие). Таким образом, если в сугубо субстратном аспекте мышление – это специфическая форма активности нервной ткани, то в аспекте информационном оно являет собой перманентные операции со знаково-смысловыми комплексами, моделирующими процессы внешней среды и репрезентирующими некоторые состояния самого человеческого организма. Упорядоченные совокупности этих знаково-смысловых моделей образуют «картину мира», на основе и в пределах которой человек ориентируется, вырабатывает навыки сохраняющего поведения и решает практические задачи поддержания (воспроизводства) жизни. Интегральным результатом этой постоянно возобновляемой деятельности становится возникновение и эволюция особого, «сверхприродного» мира – мира культуры.

Следует сразу подчеркнуть, что в логике этого подхода важную роль играет представление об одной весьма существенной особенности человеческого мышления. Вопреки «очевидности» мышление не является исключительным достоянием каждого отдельно взятого индивидуума, поскольку непременным условием его возникновения является постоянно идущий обмен данными – коммуникация между совместно живущими и действующими членами сообщества. Эта особенность мышления была точно охарактеризована Л.М. Баткиным, крупнейшим отечественным знатоком истории духовной культуры: «...разумность, будучи возможной только в виде знания вместе с другими, со-знания... одновременно есть знание (весть) лишь в голове отдельного человека (курсив мой. – В. К.)» [Баткин 2000, 246].

Мышление и деятельность

Столь подробное изложение отправных положений – что называется *ab ovo* – необходимо для того, чтобы продемонстрировать наиболее эвристический способ постановки вопроса о конструк-

тивной роли сознания и методах его разрешения. Социально-философская концепция Маркса дает все основания для того, чтобы утверждать: любые производимые человеком изменения – в природной среде, обществе, наконец, в самом себе – производятся не «суверенным» мышлением, обособленно сущим в отдельно взятой человеческой голове, но исключительно на основе и посредством общественно организованной предметно-практической деятельности множества индивидов, выступающих в качестве ее субъектов. Вместе с тем эти установочные положения не отрицают и не умаляют той роли, какую мышление играет в деятельности человеческих существ, ибо нельзя отрицать, что именно идеи и представления, которыми обладают люди, ближайшим образом направляют и вдохновляют их деятельность. Но, соглашаясь с этим и повторяя вслед за античным мудрецом «человек – мера всех вещей», мы также должны помнить, что, согласно базовым принципам теории эволюции, и сам человек, и его мышление формировались как раз «по мерке вещей». В противном случае выживание рода человеческого в динамичной природной среде было бы просто-напросто невозможно. Отсюда, в частности, со всей непреложностью следует, что, вопреки охарактеризованному выше установкам крайнего субъективизма, мышление не замкнуто в своих собственных построениях, а как раз напротив – открыто внешнему миру.

Как уже было сказано выше, установление характера зависимости, существующей между действиями человека и содержаниями его мышления, опирается на признание основным предназначением мыслительных операций создание и использование информационных программ, позволяющих обеспечить деятельное поддержание жизни людей в их организованном взаимодействии между собой и со средой обитания. И, только приняв это базовое положение, мы сможем обратиться к другим вопросам: о множестве форм бытия мышления, многообразии путей и способов решения им своей главной задачи, а также о характере сложных связей мышления с вне его существующими и исторически изменчивыми условиями и обстоятельствами. Стоит особо заметить, что специальная задача изучения роли мышления в человеческой истории, взятой в ее целом или, более конкретно, в процессе смены определенных исторических эпох, несомненно, должна решаться с названных выше общих позиций, но вместе с тем – в осознании ее существенной специфики.

Роль мышления в истории человечества

Чтобы по возможности более ясно и полно представить характер этой специфики, обратимся для начала к нескольким историческим иллюстрациям. Такой ход позволит увидеть сугубую важность соблюдения требования методологической строгости в решении этой задачи (того «способа постановки вопроса», о котором было сказано в начале статьи). К примеру, не приходится сомневаться, что участники Крестовых походов, при всем своеобразии каждого из них в отдельности, были все же движимы неким общим стремлением, общей целью, определявшей конкретные планы действий, направленных к ее достижению. В понимании крестоносцев этой целью было распространение, укрепление и окончательное торжество той веры, которую они считали «единственно истинной». Наряду с этим они также считали необходимым искоренить «веру ложную». В различных обстоятельствах планы предпринимавшихся «рыцарями креста» походов и военных действий могли успешно осуществляться или, напротив, приводить к поражению. Однако наличие у вдохновителей и участников Крестовых походов общей целивроде бы позволяло утверждать, что в целом это историческое движение являло собой реализацию идеи, его «породившей». Вместе с тем хорошо известно, что события той эпохи, рассмотренные ретроспективно, в общем итоге привели к результатам, весьма отличным от первоначальных намерений. То обстоятельство, что при этом немногие локальные цели были все-таки реализованы, не дает оснований для существенной коррекции этого утверждения.

Если далее мы под тем же углом зрения сопоставим еще какое-то множество сходных по масштабам исторических движений, то внешнее разнообразие событий можно будет свести к практически одному и тому же алгоритму, некогда коротко охарактеризованному Ф. Энгельсом как «параллелограмм сил», результирующий массовые усилия людей таким образом, что в итоге получается то, чего никто из участников не предвидел и не хотел. В этой связи стоит еще раз подчеркнуть: спонтанные исходы исторических движений – это универсальная черта человеческой истории. Подобная оценка справедлива также и для тех случаев, когда мы наблюдаем известное сопряжение масштабных подвижек в сфере духовной культуры и структурных перестроек форм социальной организации.

Так, например, деятели Реформации не имели ни малейшего представления о «буржуазном обществе», принципах его компо-

зиции или о том, что впоследствии характеризовалось как «дух капитализма». Люди той эпохи, подобно своим историческим предшественникам, не задавались напрямую целью совершить необходимую для утверждения новых порядков структурную и ценностно-нормативную реорганизацию. Достаточно перечитать тексты «отцов Реформации» – Лютера, Цвингли, Кальвина, чтобы убедиться в том, что в их «духовном мире» не было таких понятий. Они представляли себе общество и формулировали цели своих усилий по его изменению в иных категориях. Лишь многие годы спустя характерные черты «капитализма» были выявлены социологией, экономической и исторической науками, разработавшими для описания и осмысления этих черт специальный терминологический аппарат. Тем не менее сегодня повсеместно признано, что переосмысление деятелями Реформации основных догматов христианского вероучения и вызванные этим изменения в духовной культуре ряда обществ Западной, Северной и Центральной Европы обеспечили ее конгруэнтность новому – буржуазному – типу общественного устройства.

В частности, весьма примечательно, что новое толкование христианского вероучения позволило морально санкционировать как раз те устремления (к земному преуспеванию, профессиональной состоятельности и т.п.), которые в прежних трактовках евангельского предания осуждались как суетные и недостойные «истинного христианина». Отсюда далеко, конечно, до признания истинным тезиса о прямом «порождении капитализма» протестантской этикой, как утверждали исследователи, склонные к излишне скороспелым обобщениям. Тем не менее невозможно отрицать тот факт, что усилия деятелей Реформации со временем повлекли в качестве своего рода ответной реакции весьма ощутимые изменения в интерпретации ряда догматов католического вероучения, в своей прежней форме служившего «скрепой» общества феодального. Благодаря такой метаморфозе, католическая церковь, сохранив традиционную иерархию и обрядность, все же смогла без особых напряжений адаптироваться к новым – «буржуазным» – общественным институтам и практикам. При всем том подобную цель христианские богословы осознанно перед собой никогда не ставили – для них все проблемы формулировались и разрешались на языке сугубо теологическом. Тем не менее и в этой достаточно замкнутой среде не могли не сказаться перемены, вызванные совершающейся трансформацией базового

способа социальной организации – в терминах Маркса – способа производства общественной жизни. Поэтому важно подчеркнуть, что, хотя происходившие в ту историческую эпоху системные изменения в ценностно-нормативных установках общества совершались достаточно осмысленно, интегральное преобразование типа социокультурной организации происходило, как и ранее, спонтанно, «вслепую» – никто не преследовал цель «построения капиталистического общества».

При всем том нельзя не признать, что представления людей о самих себе, своем обществе и задачах по его переустройству, даже когда они были иллюзорными, все же играли известную роль в историческом движении. Точно также не подлежит сомнению, что с течением времени этот фактор становится все более и более весомым. Начиная примерно с эпохи Просвещения, появляются достаточно скрупулезно и всесторонне разработанные концепции, предлагающие объяснение процессов социального изменения, их причин и механизмов. Подобные концепции, несомненно, влияли на состояние массового сознания, а нередко и осознанно использовались при разработке того, что сегодня бы назвали «программой социальных движений». Поэтому, повторяюсь, несмотря на то, что вплоть до XX века ход событий в глобальном масштабе обнаруживает преобладание все той же спонтанности, все же нельзя не видеть, что осмысленно разработанные и внедрявшиеся в массовое сознание программы социального переустройства теперь играют роль, гораздо более значимую, чем когда бы то ни было прежде.

Наиболее наглядным примером служит Октябрьская революция в России и опыт построения в ней «социалистического общества». Хорошо известно, что партия большевиков, ее лидеры и руководимые ими широкие народные массы вдохновлялись идеями радикального переустройства общества во имя освобождения труда. Эти планы были уже достаточно глубоко фундированы. Ведь теоретики «научного социализма» разработали целостную концепцию социальных преобразований, а политические лидеры большевиков сознательно на нее ориентировались, используя соответствующий понятийный инструментарий и четко формулируя при его помощи цели и задачи переустройства общества. Однако для темы нашего исследования решающее значение имеет то обстоятельство, что и в этом случае организованные усилия людей, осмысленно направляемые к реализации вроде бы «ясно и

отчетливо» представляемой цели, в итоге привели не в «царство свободного труда», а к утверждению на долгие годы тоталитарной диктатуры, очень далекой от воображаемого образа гармоничного и планомерно управляемого общества. Лидеры государства, именовавшегося «органом власти победившего пролетариата», свою основную задачу видели во всемерном увеличении промышленного и военного потенциала, и в полном соответствии с законами экономики «планомерно» решали ее посредством эксплуатации непосредственных производителей в таких масштабах, которые были неведомы никакому капитализму с его зависимостью от стихийной динамики рынка.

В чем-то аналогичные процессы происходили в Германии 1930-х годов, где к власти пришли идеологи и вожди движения национал-социалистов, также разработавшие подробную программу возрождения былого величия и процветания Германского рейха. Для этого, как они полагали, достаточно было избавить немецкий народ от присутствия «расово неполноценных» людей и их «разлагающего влияния».

Весьма важно, что одной из главных целей лидеров обоих этих идейных движений было получение власти, практически ничем и никак не ограниченной. Благодаря сочетанию террора и массовой пропаганды, эта цель была ими успешно реализована. Получив желанную власть, они ее использовали в качестве основного инструмента реализации своих программ и планов. Однако ожидаемый результат ни в том, ни в другом случае так и не был достигнут. Не сумев «построить» процветающее общество, обе идеократии столкнулись в войне, которую подавляющее большинство ее участников с обеих сторон также воспринимало как борьбу за воплощение своих идеалов. В действительности эта война обернулась крупнейшей в истории человечества социальной и гуманитарной катастрофой, сильнейшим образом затронувшей как побежденных, так и победителей. Усилия по преодолению ее разрушительных последствий во многом обусловили фундаментальные черты того мира, в котором мы сейчас живем, а отдаленные отзвуки той войны сказываются в жизни человечества и по сей день.

Все эти примеры подтверждают уже не раз высказанную исследователями мысль о том, что наиболее масштабные изменения в исторических судьбах человечества всегда совершались и по сию пору продолжают совершаться стихийно – по ходу целесоо-

бразной деятельности людей, но помимо их прямых намерений и воли. (Стоит отметить, что сама идея «фатума», «рока», распоряжающегося судьбами человечества вопреки любым человеческим целям и ожиданиям, присутствует в умах людей, принадлежащих к самым разным культурным традициям.) Вместе с тем, важно помнить, что тезис о стихийном характере движения истории не влечет отказа от признания роли мышления, ближайшим образом действительно вдохновляющего и направляющего усилия людей. Но, утверждая, что разумная целенаправленность была, есть и будет важнейшей характеристикой человеческой деятельности, мы вместе с тем не можем уйти от признания того, что ее ход и результаты, подобно всем идущим в мире процессам, определяются объективной необходимостью. Согласно современному пониманию, использующему аппарат диалектической логики, необходимость, хотя и не определяет однозначно ход и исход событий, но вместе с тем соприсутствует во всех совершающихся изменениях – будь то в природе или обществе. (Пока мы можем временно отвлечься от ответа на важнейший для социального знания вопрос о том, что собой представляет историческая необходимость, в чем именно она заключается и как реализуется по ходу событий.) Однако заметим сразу, что в истории человечества необходимость осуществляется в двух различных формах.

Для людей, не знающих сущностных свойств некоторых процессов, необходимость проявляется в том, что наблюдаемые изменения всякий раз совершаются определенным образом, но помимо их намерений и воли. В этих случаях необходимость именуется «слепой», и реализуется она спонтанно. Вместе с тем, накапливая массу данных, и фиксируя регулярность наступления определенных последствий, человек получает возможность уяснить их необходимую обусловленность, и тогда необходимость предстает в другой своей форме – как нечто известное, познанное человеком, им постигнутое. Ход событий перестает восприниматься как нечто фатальное, человек оказывается способен выявить причины наступления некоторых изменений. С учетом этого целенаправленное использование нового знания становится граничным условием реализации человеческих намерений при решении все более широкого спектра задач. Однако обретенная благодаря такому знанию относительная свобода действий не означает, что человек теперь может по своему усмотрению изменить или вообще отменить необходимость. Знание необходимости

всего лишь позволяет ему с более высокой вероятностью ожидать реализации своих намерений.

Стихийное и планомерное в деятельности людей.

Объективная необходимость в истории

Все приведенные выше соображения со временем оформились в положение, согласно которому деятельность людей всегда включает в себя два момента – стихийное и планомерное. Планомерной она может быть лишь в той мере и в тех своих составляющих, в какой реализуемые по ее ходу идеальные программы отвечают наличным объективным условиям и обстоятельствам. Когда речь идет о планах крупномасштабных общественных преобразований, значение этого условия неизмеримо возрастает, ведь если с течением времени вероятность учета отдаленных последствий в реально идущем историческом процессе снижается, стихийность его пропорционально возрастает¹.

Если с этих позиций рассмотреть глобальные тренды эволюции современного человечества, то можно зафиксировать известное, пусть пока и не очень значительное, нарастание планомерности. Утверждать это позволяют согласованные усилия лидеров государств и международных организаций, позволившие нескольким послевоенным поколениям избежать мировой войны. Однако за пределами этих усилий движение человечества по-прежнему сохраняет стихийный характер, в то же время приобретая все новые и новые степени сложности.

В этой связи нелишне еще раз напомнить – познанная необходимость не перестает быть необходимостью. Такое знание освобождает в той же мере, что и обязывает. Только следуя этому принципу, люди будут способны, в меру возможного, предвидеть последствия своих усилий, что, в свою очередь, позволит им более планомерно осуществлять свои проекты и планы. В силу этого важнейшим видом человеческой деятельности становится наука,

¹ В.И. Ленин подчеркивал, что, разрабатывая планы переустройства общества, революционная партия и ее лидеры прежде всего должны иметь в виду именно «условия осуществимости», поскольку их учет является важнейшим условием достижения успеха (см., например: [Ленин 1969]). Приходится признать, что история СССР свидетельствует, что и сам Ленин, и в еще большей степени его политические наследники этому мудрому завету не следовали.

поскольку именно она направлена на решение задачи приращения достоверного знания.

Эти положения верны и для комплекса социально-исторических наук. Постигание необходимости, обуславливающей ход и исход исторического движения, – задача сегодня особенно актуальная, поскольку лишь таким образом человечество получит шанс минимизировать стихийные его моменты и все связанные с этим риски. Как отмечает Л.М. Баткин, «...свобода воли человечества будет иметь дело с объективной необходимостью, условиями и преградами – но при помощи экспертов и с учетом преобладающих устремлений» [Баткин, 2002].

В этой связи целесообразно вернуться к базовым положениям, уже высказанным в начале статьи и в общем-то хорошо известным, но при обсуждении занимающего нас вопроса нередко уходящим из поля зрения. По сию пору актуален тезис Маркса, согласно которому вопрос об истинности человеческого мышления в последнем

счете разрешается в сфере общественно-исторической практики, т.е., говоря современным языком, в сфере реализации разработанных человеком информационных программ. На первый взгляд, здесь возникает логический круг: созданные человеком техника и технологии, осуществленные им преобразования в социальной сфере и духовной культуре – это воплощения человеческой мысли. Это соображение было и остается главным доводом всех сторонников концепции решающей роли мышления в движении истории. Замечу, однако, что таким образом мы попадаем не в логический круг, но в спиралевидное движение, осмысляемое при помощи законов диалектики. Люди реализуют свои замыслы, используя изобретенную технику, дееспособность которой обеспечена знанием объективных свойств материала и учетом условий применения. В опоре на эту проверенную информацию, в дальнейшем поиске (впоследствии – специализированном научном) приобретаются новые знания, применяемые в изобретении и применении новой техники и новых форм организации. Таковы сформулированные в самом общем виде принципы исторической эволюции человечества. Их достоверность, несмотря на кажущиеся противоречия, всецело подтверждается историей XX века.

Как уже было сказано выше, в значительной степени это была история крупномасштабных, идеологически направленных массовых движений. Осмысляя их опыт, мы теперь можем распознать

в потоке событий одну очень важную и интересную особенность. Историческая необходимость, как мы сегодня ее понимаем, – это не та необходимость жестких линейных процессов, какой ее представляли Кант и Лаплас и которую зачастую до сих пор некоторые исследователи представляют в том же самом ключе. Необходимость может быть вариативной в своих проявлениях, в путях реализации. В человеческой истории конкретный облик этих вариаций во многом зависит именно от сознания. Люди не могут выйти за пределы необходимости, но могут реализовать ее разными путями. Не будем забывать точную формулу К. Маркс «История есть деятельность преследующего свои цели человека» [Маркс, Энгельс 1956, 102].

В современном мире существенно возрастает вариативность как целей, так и возможных путей их реализации. Этот рост, помимо всего прочего, напрямую связан с начавшимся примерно с конца XIX века значительным приращением знаний во всех отраслях науки. Пропорционально возрастает и проектный потенциал сознания, поскольку он напрямую зависит от достоверности знаний. Наряду с этим, благодаря технике хранения и передачи больших объемов информации и организации массового школьного образования, численно значительно выросли социальные группы, приобщенные к новым знаниям, но не владеющие приемами и правилами их критического анализа и оценки.

Итогом подобного положения вещей стало широкое распространение псевдонаучных знаний, использующих наукообразный понятийный аппарат, но содержащих недостоверную информацию. Однако иллюзорные представления массового сознания о возможности в краткие сроки и простыми способами преобразовать общество – при всей их эмоциональной привлекательности – в принципе не могли быть реализованы. Именно это имел в виду Маркс, когда писал, что вопрос об истинности мышления – вопрос прежде всего практический. Упоминавшиеся выше истории идеократий – классический пример той роли, которую сыграли величественные планы, направлявшие и вдохновлявшие попытки создания и развития «совершенных обществ». В большинстве случаев эти планы разрабатывались на почве идеологии, которую разделяли отнюдь не только небольшие группы идеократов. Предпосылкой крупномасштабных исторических подвижек была интериоризация идеологии массовым сознанием. «Идеи», овладевая массами, действительно становились «материальной

силой». Но оказалось, что этого недостаточно. Хотя множество людей идеи принимали, связывали с ними свои надежды и участвовали в попытках эти надежды осуществить, их усилия не приводили к ожидаемым результатам. Все дело было в том, что искренность убеждений и массовая готовность действовать во имя их воплощения – фактор хотя и очень существенный, но все-таки недостаточный. Я уже отмечал, что программа партии большевиков строилась на уверенности в обладании истиной, позволяющей разрабатывать и целенаправленно осуществлять проекты социальной реорганизации. Основой основ «теории» построения социализма был тезис о решающей роли тотального обобществления средств производства. В согласии с этим принципом большевики создали структуры социальных связей и модели управления, обусловившие характер дальнейшего существования реорганизованного сообщества.

Однако вопреки ожиданиям, новое общество развивалось не сообразно «громадьи планов», а согласно собственной имманентной логике, за пределы которой правящая партия, даже используя всю мощь репрессивного аппарата и обеспечив себе практически неограниченный контроль над обществом, выйти уже не могла. Понимание этого обстоятельства позволяет утверждать, что последовавшие в итоге деформация, а затем и распад этой структуры не были следствием только чьей-то злой воли или субъективных ошибок. Все это имело свое значение. Но, если отвлечься от конкретных персонажей и проанализировать проблему на более высоком уровне обобщения, можно заключить, что дело было не только в тех или иных оценках и решениях людей у власти. Главная причина состояла в том, что управление общественным организмом – сложным, многоэлементным, с колоссальным количеством внутренних связей и зависимостей – пытались осуществить из одного центра, посредством рассылки директив, подлежащих обязательному исполнению. В большинстве случаев директивы исполняли, что позволяло решать частные задачи. Однако в отношении общества как целого подобные методы постепенно обнаруживали свою несостоятельность, так что интегральный эффект в конце концов закономерно оказался негативным.

В этом трагическом опыте отчетливо проявилась одна важная закономерность: гиперцентрализация серьезно затруднила «обратные связи» между элементами социальной системы и блоком управления, а общество, в котором эти связи разрушены, дефор-

мированы или сильно ослаблены, в сущности, обречено на деградацию. Дефицит достоверной информации неотвратимо влечет эффект нарастающего снижения качества управления. Одним из следствий этого становятся избыточные затраты ресурсов – они расходуются без должной отдачи. Самым наглядным примером здесь может служить опыт Великой Отечественной войны. Победа в ней стоила Советскому Союзу колоссальных жертв. И не последнюю роль в этом играло качество управления. Таким образом, широко бытующее представление о том, что ход и, самое главное, исход событий всецело зависит от людей, занимающих ключевые посты в системе государственной власти, в своем основном содержании иллюзорно. От таких людей зависело и зависит очень и очень многое, прежде всего – конкретные условия повседневного существования больших социальных общностей. Однако объективную логику эволюции системы никакая власть отменить не способна. Для этого требуется смена логики, т.е. реконструкция самой системы, ее структурная рекомпозиция. Конечно, предположение о том, что другие люди у власти, действуя иным образом, в принципе могли бы при тех же условиях придать другой облик ходу событий, не может быть логически отвергнуто. Но даже признавая *in abstracto* такую возможность, мы не можем отрицать, что в силу названных выше причин общий исход движения был предreshен. Конкурентное взаимодействие обществ с разными типами организации, разными типами управления в глобальном масштабе обусловило поражение системы, которая была неэффективна прежде всего из-за своей структурной композиции, поскольку последняя жестко определяла и способ ее функционирования, и границы возможных изменений.

О роли мышления в современной истории

Еще одно направление размышлений о роли сознания в современной истории связано с тем, что сегодня происходит в сфере духовной культуры благодаря разработке и массовому применению информационной техники и информационных технологий. Общеизвестно, что здесь произошли не просто обновления, но совершилась технологическая революция – в самом точном, самом буквальном смысле слова. Столь масштабные изменения требуют нового осмысления значимости принципа примата практики. Следует ли теперь признать, что в новых условиях мышление все же становится решающим фактором современного исторического

процесса? Чтобы разобраться в этом, попробуем немного изменить ракурс рассмотрения проблемы.

Прежде всего, подчеркнем, что в этом плане характерная черта нашего времени состоит в том, что ничего подобного прежде не было. История, как множество раз справедливо замечено, – это всегда изменение, потому исторические эпохи несхожи между собой. Вместе с тем масштабы и скорость происходящего в наши дни все же совершенно беспрецедентны, а значит, нет оснований для обращения к опыту прошлого. Фундаментального сходства не обнаруживается, а то, которое временами проглядывает на поверхности, скорее, дезориентирует, делая любые аналогии заведомо ложными.

Пожалуй, наиболее ярким проявлением наблюдаемых новаций можно считать резкое усиление влияния массовой культуры. Сегодня в силу значительного численного преобладания ее носители с присущими им стереотипами восприятия и оценок получили сильнейшие позиции в информационном поле. Этим перевесом обусловлен новый феномен – наблюдается повсеместное проникновение языка, сильно упрощенного, со своими специфическими клише, но зато понятного широкой аудитории. Разумеется, известным влиянием массовая культура обладала и раньше, но прежде оно все же оставалось главным образом фоновым. Теперь же, благодаря доступности информационной техники и технологий, воздействие массовой культуры стало прямым, заметно сказываясь на повседневной жизни людей. «Обратная связь» между элитными группами и широкими массами, являющая собой непереносимое условие адекватных оценок реального положения и разработки эффективных решений проблем, возникающих перед современным человечеством, существенно затруднена. Образно говоря, «помехи» заглушают «сигнал». Подобные изменения наблюдаются ныне практически во всех сферах духовной культуры. Немалую роль в этом играет преобладающее стремление оценивать результаты культурного творчества, соотносясь с логикой товарно-денежного обращения. «Продаваемость» продукции духовной культуры, ее коммерческий успех стали едва ли не самым весомым критерием, ориентирующим создателей в первую очередь на удовлетворение этого требования. Соблазн понятен, а последствия смены приоритетов очевидны и неоспоримы – мы видим повсеместное проникновение культурных стандартов, сильно упрощенных, но зато отвечающих установкам

и ожиданиям массового потребителя. Приходится признать, что философия в этом смысле не является исключением. Следы подобной зависимости, как мне представляется, хорошо различимы в работах ряда авторов, например, М. Маклюэна.

В моем понимании именно нарастающее преобладание чуждых сути духовного творчества установок должно побуждать к противодействию такому преобладанию. В этой связи нельзя не сказать о том, что не только в философии, но и в художественном творчестве, в частности в великой научно-фантастической литературе XX века, в книгах К. Воннегута, Дж. Оруэлла, О. Хаксли, братьев Стругацких, описанные выше трансформации культуры были вполне отчетливо выявлены и осмыслены, угрозы четко обозначены. Представляется, что сегодня наша обязанность – прежде всего профессиональная, обязанность людей, приобщенных к философскому знанию и его преподаванию, – внять этим предупреждениям. Интеллектуальная элита должна воспринимать названные угрозы не как непреложную данность, но как диагноз весьма опасной общественной патологии, развитие которой чревато необратимыми последствиями. Не нужно опасаться упреков в «элитизме». Важно помнить о том, что сложные проблемы не имеют простых решений, и поэтому философия и философы не должны идти по пути наименьшего сопротивления. Противодействие этой угрозе может быть эффективным лишь на путях рациональной реорганизации форм социального взаимодействия, для которой требуются достоверное знание и направляемая им политическая воля. Чтобы сегодня быть в состоянии отвечать исконному предназначению философии, нужно стремиться сохранить свою суверенность, свой уровень компетентности. В частности, следует со всей настойчивостью и с методологически откорректированных позиций искать ответ на вопрос, каким новым содержанием в новых обстоятельствах наполнилась проблема конструктивной роли сознания.

Заключение

В заключение я хотел бы привлечь внимание к еще одной проблеме из числа тех, что очень активно сейчас обсуждаются. Она может быть определена как проблема соотношения глобальных трендов и национальных стратегий развития. По моему мнению, главным итогом ее обсуждения должно стать преодоление влияния все еще широко распространенной установки, противо-

поставляющей процессы глобализации и задачи национального развития. Решение общих проблем человечества сильно осложняется, поскольку приоритет по инерции отдается конфликтам ближайших политических интересов, преследуемых отдельно взятыми государствами и/или их локальными объединениями. Отсюда – очень заметная порой неспособность выделить интересы стратегические, дополняемая неумением солидарно сосредоточить основные усилия на их обеспечении. Сегодня важно всемерно способствовать пониманию неоспоримой истины: далеко не все, что провозглашается или предлагается в качестве программы «обеспечения национальных интересов», заслуживает наименования стратегии. К сожалению, бывают «стратегии», которые если и не ведут политическую нацию к необратимым катастрофическим последствиям, то как минимум заводят в тупик. Примеры такого рода трагических «опытов» приводились выше. В этой связи следует вновь подчеркнуть важнейшее значение достоверности наших представлений об обществе, о том, в чем действительно заключаются его интересы, об «управляющих параметрах» его изменения и нашей способности использовать эти знания в разработке национальных стратегий как важнейших составляющих формирования глобальных трендов эволюции человечества.

В настоящее время, чтобы участвовать в разработке программ масштабного переустройства общества, недостаточно быть человеком, компетентным только в какой-то своей узкой специальности, особенно, если речь идет о навыках использования возможностей, создаваемых информационной техникой и технологиями. Давным-давно признано, что техника сама по себе ничего не решает, решают люди, ее использующие. Но отсюда следует, что в современных обстоятельствах на порядки выросли требования к носителям профессиональных знаний. Однако в еще большей степени востребовано понимание ответственности, которая возлагается на каждого, кто в той или иной форме претендует на участие в разработке стратегических планов с далеко идущими последствиями. И эта ответственность возрастает пропорционально масштабу и темпам происходящих ныне изменений.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Баткин 2000 – *Баткин Л.М.* Европейский человек наедине с собой: очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. – М.: РГГУ, 2000.

Баткин 2002a – Баткин Л.М. Странная тюрьма исторической необходимости // Баткин Л.М. Пристрастия: избранные эссе и статьи о культуре. – М.: РГГУ, 2002. С. 232–348.

Глазерсфельд 2001 – Глазерсфельд Э., фон. Введение в радикальный конструктивизм // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2001. № 4. С. 59–81.

Кржевов, Межуев 2018 – Кржевов В.С., Межуев В.М. Зачем нужна сегодня философия истории? // Человек. 2018. № 6. С. 69–97.

Ленин 1969 – Ленин В.И. Неминуемая катастрофа и безмерные обещания // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. – М.: Политиздат, 1969. С. 105–111.

Маркс, Энгельс 1955 – Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. – М.: Политиздат, 1955. С. 3–230.

Обуховский 2003 – Обуховский К. Галактика потребностей. Психология влечений человека. – СПб.: Речь, 2003.

Сокал, Брикмон 2002 – Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2002.

REFERENCES

Batkin L.M. (2000) *The European Individual Alone with Himself: Outlines on the Cultural and Historical Foundations and Limits of Personal Self-Consciousness*. Moscow: RSUH Press (in Russian).

Batkin L.M. (2002) A Strange Prison of Historical Necessity. In: Batkin L.M. (Ed.) *Addictions: Selected Essays and Articles on Culture* (pp. 232–248). Moscow: RSUH Press (in Russian).

Krzhevov V.S. & Mezhuev V.M. (2018) Why the Philosophy of History Is Needed Today? *Chelovek*. No. 6, pp. 69–97 (in Russian).

Lenin V.I. (1969) Inevitable Catastrophe and Immeasurable Promises. In: Lenin V.I. *Complete Works* (Vol. 32, pp. 105–111). Moscow: Politizdat (in Russian).

Marx K. & Engels F. (1955) The Holy Family, or Critique of Critical Criticism. Against Bruno Bauer and Company. In: Marx K. & Engels F. *Works 2* (Vol. 2, pp. 3–230). Moscow: Politizdat (Russian translation).

Obukhovsky K. (2003) *Galaxy of Needs. Psychology of Human Drives*. Saint Petersburg: Rech' (in Russian).

Sokal A. & Bricmont J. (1998) *Fashionable Nonsense: Postmodern Intellectuals' Abuse of Science*. New York: Picador USA (Russian translation: Moscow: Dom intellektual'noy knigi, 2002).

von Glasersfeld E. (2001) An Introduction to Radical Constructivism. *Moscow University Bulletin. Series 7: Philosophy*. No. 4, pp. 59–81 (Russian translation).